

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА
В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В рецензии Н. А. Козинцевой (ВЯ, 1972, 2) кратко и умело реферировался труд Г. Б. Джаукяна о структуре армянского языка¹. К сожалению, здесь не всегда точно очерчены заслуги автора рецензируемой книги. Например, рецензент пишет: «Категории типа и вида (в том виде, как они сформулированы в рецензируемой книге) впервые описаны Г. Б. Джаукяном... Г. Б. Джаукян разграничивает три класса основ, имеющих различные показатели для формы прошедшего совершенного» (стр. 138). Далее в рецензии разъясняется, что, по мнению Джаукяна, этими основами соответственно передаются понятия совершенности, несовершенности и нейтральности (там же). И еще: «Категория вида выделяется автором на основе различий грамматических средств оформления прошедшего совершенного» (там же). Из сказанного не видно, что же именно нового внес автор в понимание категории вида, поскольку ничего не говорится о том, как категорию вида в армянском языке понимали до Г. Б. Джаукяна.

Понятие вида в армянскую грамматическую литературу впервые введено М. Абегианом, который, однако, совершенно иначе понимал вид новоармянского глагола. М. Абегиан усматривал три грамматических вида: совершающийся (қаґагвоу), совершенный (қаґагјал) долженствующий совершиться (қаґагелі) и признавал наличие глагольных форм, которые не выражают вида, — это безвидовые («безаспектные») аңкерр) формы или же формы простого вида (parz керр). Вид могут выражать только аналитические формы глагола, в которых для передачи видовых значений участвует причастие (deгbaj); органические формы глагола являются безаспектными².

¹ Г. Б. Джаукян, Развитие и структура армянского языка. Ереван, 1969 (на арм. яз.).

² М. Абегиан, Синтаксис новоармянского языка, Вагаршапат, 1912 (на арм. яз.), стр. 225 и сл.; е г о ж е, Теория армянского языка, Ереван, 1931, стр. 308—405.

В 1958 г. С. Зарбаджи, пересматривая точку зрения М. Абегиана, отметила, что «способность выражения вида он приписывал только причастию, входящему в состав личной формы глагола, а не аналитической временной форме глагола в целом, искусственно разъединяя понятия вида и времени внутри одной временной формы»³. Здесь же справедливо указано, что «видовое значение не имеет своего формального показателя...» и в то же время «...каждая временная форма, в том числе и „простая“⁴, наделена определенным видовым содержанием и без него немыслима»⁴. С. Зарбаджи не сумела все же до конца преодолеть традицию и дифференцировать категории вида и времени; кроме того, ею рассматривались не все формы глагола, а только формы изъявительного наклонения.

В 1960 г. автор этих строк подверг критике господствовавшее до того времени мнение о категории вида и выдвинул положение, согласно которому «...в армянском имеются совершенный и несовершенный аспекты, а также налицо скривы (ряды⁵) глаголов, не различающих аспекта»⁶.

³ С. З а р б а д ж и, К вопросу о грамматической категории вида в современном армянском языке, «Изв. [АН АрмССР], Общественные науки, 1958, 7, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 80, 82. Более подробно об этом традиционном понимании вида в армянской специальной литературе см.: О. Х. Б а р с е г я н, Теория спряжения глагола современного армянского языка, Ереван, 1953 (на арм. яз.), стр. 148—158, особенно стр. 152.

⁵ Иначе говоря: личные формы глагола.

⁶ И. И. Ш и л а к а д з е, Ряды (скривы) глагола в новоармянском языке, «Труды Тбилиск. гос. ун-та», 91, Серия востоковедения, II, 1960 (на груз. яз., с русским резюме), стр. 243—244. Это положение доказывается на стр. 231—232 и 241—249 и наглядно иллюстрируется в специальной таблице.

Более подробно это положение развивается в другой нашей статье, специально посвященной вопросам вида древне- и новоармянского глагола⁷. В нашей работе о конъюгационных категориях новоармянского языка также сказано: «Формы, образованные от основы настоящего времени, выражают несовершенный вид, а образованные от основы аориста — совершенный вид. Однако в нескольких случаях для выражения совершенного вида новоармянский язык использует частицу *кэ*»⁸.

Изучая вопрос о виде в древнеармянском языке, А. Г. Шанидзе в свою очередь установил, что ряды глагола древнеармянского языка, производные от основы настоящего времени, выражают несовершенный вид, тогда как производные от основы аориста выражают совершенный вид⁹. Можно полагать, таким образом, что в процессе развития армянского языка принципы различения аспекта оставались неизменными. Суждения о категории вида в армянском языке довольно подробно изложены в рецензии А. Г. Шанидзе на работу И. И. Шилакадзе «Конъюгационные категории новоармянского языка»¹⁰.

Таким образом об аспекте армянского глагола существует специальная литература, в которой до конца 50-х годов господствовало мнение, не приемлемое для последующих исследователей (С. Зарбаджи, И. И. Шилакадзе, А. Г. Шанидзе), разработавших новое понимание аспекта, которое опирается на оппозицию совершенности действия. Формы глагола, не имеющие оппозиционных форм, не могут выражать ни совершенного, ни несовершенного действия, значит, они безаспектны, т. е. нейтральны в видовом отношении. Этого же понимания придерживается Г. Б. Джаукян, несколько иначе его формулируя: «Грамматическая

категория аспекта в плане выражения (*arġahajutjan planum*) характеризуется в первую очередь основоформирующими суффиксами *an, ac, ep, ec, z, n, ě, r*. Видообразующее значение вторично приобретает префикс *кэ*»¹¹. Фактически, таким образом, Г. Б. Джаукян присоединяется к положению о том, что аспекты в армянском языке различаются по основе, поскольку аффиксы *an, ep, n, ě* формируют презентные основы, а *ac, ec, z, r* — аористные (из презентной основы образуется несовершенный вид, а из аористной основы — совершенный вид). Таким образом, формулировка Г. Б. Джаукяна отличается от вышеизложенного понимания вида только «в плане выражения».

Касаясь утверждения Г. Б. Джаукяна о том, что «в нескольких случаях для выражения совершенного вида новоармянский язык использует частицу *кэ*»¹², отметим, что эта частица впервые только нами признана видообразующим элементом¹³ (до того ее считали формантом составительного наклонения). Мы полагали, что форме с частицей *кэ* в новоармянском противостоят аналитические формы типа «причастие будущего времени + вспомогательный глагол», например: *knstem* «сяду» — *nstelu em* «буду сидеть». А. Г. Шанидзе, однако, выразил предположение, что форма, образованная с помощью вспомогательного глагола (*em*) и причастия будущего времени (*nstelu*), возможно, является не глагольной формой, а составным сказуемым¹⁴. Это мнение разделяет Г. Б. Джаукян (хотя А. Г. Шанидзе им здесь не упоминается; правда, позиция автора в данном случае не совсем ясна: «... армянские грамматисты (разрядка наша. — И. Ш.) считают, что *gnalu em, gnalu ji* — аналитические формы глагола, хотя ясно, что они не являются такими временными формами, какими являются *gnut em, gnacel em*, но фактически восполняют пробел этого ряда, выражающего значение несовершенного вида в отличие от глагольных форм *kgnat, kgnayis*»¹⁵. Казалось бы, Г. Б. Джаукян намерен констатировать мнение «армянских грамматистов», суждения которых

⁷ И. И. Шилакадзе, Категория аспекта в армянском языке, «Труды [Тбилисс. гос. ун-та]», 99, Серия востоковедения, III, 1962 (на груз. яз.), особенно стр. 209, и резюме на русском языке.

⁸ И. И. Шилакадзе, Конъюгационные категории новоармянского языка, сб. «Вопросы языка и стиля», II, Ереван, 1964 (на арм. яз.), об аспекте — стр. 211—248; см. также прилагаемую таблицу и резюме на русском языке, стр. 288.

⁹ А. Г. Шанидзе, Теория скрив в применении к спряжению древнеармянского языка, «Совместная научная сессия Отделений общественных наук в Тбилиси и Ереване, 22—30.V.1948 г. Тезисы к докладам», 1949, стр. 20—23.

¹⁰ А. Г. Шанидзе, Новый взгляд на природу спряжения новоармянского глагола, «Труды [Тбилисс. гос. ун-та]», 116, Серия востоковедения, V, 1965, стр. 427 и сл., особенно стр. 429.

¹¹ Г. Б. Джаукян, указ. соч., стр. 229.

¹² Там же.

¹³ И. И. Шилакадзе, Ряды (скривы) глагола в новоармянском языке, стр. 236 (а также таблица); его же, Категория аспекта в армянском языке, стр. 195, 211; его же, Конъюгационные категории новоармянского языка, стр. 234, 285, а также таблица.

¹⁴ А. Г. Шанидзе, Новый взгляд..., стр. 437, 438.

¹⁵ Г. Б. Джаукян, указ. соч., стр. 273.

якобы вызывают сомнение. В действительности Г. Б. Джаукян разделяет точку зрения А. Г. Шанидзе. Логически рассуждая, Г. Б. Джаукян должен был бы прийти к выводу о том, что глагольные формы с частицей *kə* (*kənat* «пойду», *kəgnayi* «пошел бы я») не имеют оппозиционных форм, противопоставленных им по аспекту, и, следовательно, они являются нейтральными в видовом отношении. Г. Б. Джаукян этого вывода не делает, ограничиваясь тем, что некритически рассматривает чужие мнения и часто присоединяется к ним, не указывая,

однако, на соответствующие источники. Характерно, что в списке использованной литературы Г. Б. Джаукяном приведено 298 названий, а в сносках указано из них только 27.

Во всяком случае, в отношении изучения армянского вида неясная картина создается в работе из-за того, что Г. Б. Джаукян не всегда ссылается на ранее опубликованные труды. Рецензент обязан был уделить внимание и таким, на первый взгляд, незначительным мелочам.

И. И. Шилакадзе

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 26 по 29 августа 1971 г. в г. Сегеде (ВНР) состоялся симпозиум по вопросам речи, который явился непосредственным продолжением работы секции речи VII Международного Акустического Конгресса (18—26 августа 1971 г., Будапешт).

Симпозиум речи в г. Сегеде был посвящен проблемам акустики, физиологии и патологии речи. Общее число заявок для участия в работе симпозиума было равно 180. Причем наибольшее число заявок представила ВНР (78). Непосредственно в работе симпозиума приняли участие ученые из 20 стран: Австрии, НРБ, ВНР, ГДР, Дании, Ирана, Канады, Италии, Нидерландов, ПНР, СССР, США, СФР, Франции, ФРГ, СФРЮ, ЧССР, Швеции, Швейцарии и Японии. Специалистами этих стран было прочитано и обсуждено 80 докладов. Тематика последних была отражена в работе следующих секций:

1) Анализ патологической речи; 2) Производство и восприятие речи; 3) Акустическая структура речевого сигнала; 4) Структура речи и структура языка; 5) Логопедия и лингвистика; 6) Логопедия, лингвистика и акустика; 7) Прикладные исследования в области речи.

Огромный интерес вызвали доклады японских исследователей, посвященные артикуляционному анализу речи. Так, например, в докладе Х. Фудзикаки «Определение конфигурации голосового тракта по акустическим параметрам» было дано принципиальное описание метода для определения абсолютных значений пространственной функции голосового тракта. В докладе излагаются результаты параллельного анализа работы голосового тракта с помощью кинорентгена и акустических измерений. Значения пространственной функции устанавливаются по значениям формантных частот и значениям характеристик, снятых в ходе акустического анализа речевой волны. Цен-

ность проведенного анализа заключается также и в том, что автором проведено сравнение результатов предлагаемого метода с результатами, полученными другими методами.

Доклад С. Хики и Й. Оизуми (Япония) «Модель речевых органов» посвящен описанию модели механизма речевого синтеза по нейрофизиологическим параметрам. Описываемая в докладе модель основана на данных, полученных с помощью электромиографических и рентгенографических измерений.

Заслуживает внимания эксперимент, о котором докладывали Ф. Кемени и И. Субосиц (ВНР) в своем сообщении «Электромиографическое исследование звукового сочленения». Задача исследования заключалась в том, чтобы по данным губной артикуляции определить влияние соседних гласных. В докладе изложены результаты анализа миограмм губной артикуляции для следующих типов сочленения звуков: ГС, СГ, ГСГ, ГССГ.

В докладе П. Лейдефоджа, Й. Де Клерка и Р. Хершмана (США) «Параметры конфигурации движений языка» излагаются результаты кинорентгенографических исследований десяти гласных американского варианта английского языка в произнесении шести дикторов. Авторы указывают на наличие большой вариативности в конфигурации языка при произнесении одних и тех же гласных различными дикторами. Основным различающим признаком в данном случае может быть различная конфигурация языка у большинства дикторов при произнесении напряженных и ненапряженных гласных.

Огромный интерес вызвал доклад М. Савашимы (Япония) «Применение фиброскопии в исследованиях речи».